

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немногоко вѣпрена... пакъ чпо же?
Еще милѣе шѣмъ она.
Всечасно прелесцію новой
Умѣешь насъ она плѣнить;
Скажице: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ.
А па — подъ юлкою гусаръ,
Лишь дайце ей усы да шпоры!

Блаженъ, кого подь вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назовётъ:
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и пошъ,
Кпо опъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о пошъ!
Но кпо прубилъ? Кпо чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кпо колдуна перепугалъ?
Русланъ. Онъ, месшю пламенѣя,
Доспигъ обипели злодѣя.
Ужъ випязъ подь горой споишъ,
Призывный рогъ, какъ буря, воешъ,
Нешерпѣливый конь кипишъ
И снѣгъ копышомъ мочнымъ роешъ.
Князь карлу ждешъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому спальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упаль подобно грому;
Русланъ подьемлетъ смушный взоръ,

И видишь — прямо надъ главою —
Съ подъяпой, спрашной булавою
Лешаешь карла Черноморь.
Щипомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ попрясь и замахнулся;
Но попьъ взвился подь облака;
Намигъ исчезъ — и свысока
Шумя лешипъ на князя снова.
Прворный випись оплещель,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упаль — да шамъ и сѣль;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшишь,
Поймалъ, за бороду хвапаетъ,
Волшебникъ силился, кряхшишь,
И вдругъ съ Русланомъ улешаетъ...
Решивый конь во слѣдъ глядишь;
Уже колдунъ подь облаками;
На бородѣ герой висипъ;
Лешаешь надъ мрачными лѣсами,
Лешаешь надъ дикими горами,
Лешаешь надъ бездною морской;

Опъ напряженья коспенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держипся рукой.
Межь пѣмъ, на воздухъ слабѣя
И силъ Руской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвишь: слушай, князь!
Тебѣ вредишь я переспану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прошу тебя,
Спускаюсь — но полько съ уговоромъ...
« Молчи, коварный чародѣй!
Прервалъ нашъ випязь: съ Черноморомъ,
Съ мучишелемъ жены своей,
Русланъ не знаешь договора!
Сей грозный мечъ накажешь вора.
Лепи хопъ до ночной звѣзды,
А бышь шебѣ безъ бороды!»
Боязнь объемлешь Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Успалый карла попрысаетъ:

Русланъ ея не выпускаеть
 И щиплетъ волосы порой.
 Два дни колдунъ героя носить,
 На прерпій онъ пощады просить:
 « О рыцарь, сжался надо мной;
 Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
 Оспавъ мнѣ жизнь, въ пвоей я волѣ;
 Скажи — спущусь, куда велишь... »
 — Теперь пы нашъ: ага, дрожишь!
 Смирись, покоривуй Руской силѣ!
 Неси меня къ моей Людмиѣ. —

Смиренно внемлетъ Черноморь;
 Домой онъ съ випяземъ пуспился;
 Лешить — и мигомъ очутился
 Среди своихъ ужасныхъ горь.
 Тогда Русланъ одной рукою
 Взялъ мечъ сраженной головы,
 И, бороду схвативъ другою,
 Опсѣкъ ее, какъ горспъ правы.
 « Знай нашихъ! молвилъ онъ жестоко,
 Чшо, хищникъ, гдѣ пвоя краса?

Гдѣ сила? » и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжеть волоса;
Свиспя зоветь коня лихаго;
Веселый конь лепишь и ржешь;
Нашъ випись карлу чужь живаго
Въ копомку за сѣдло кладешь,
А самъ, боясь мгновенья прапы,
Спѣшишь на верхъ горы крупной,
Доспигъ, и съ радостной душой
Лепишь въ волшебныя палашы.
Вдали завидя шлемъ брадашый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ споронь
Бѣгутъ — и скрылись. Ходишь онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зовешь —
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ неперпѣливыхъ
Онъ ошворяетъ двери въ садъ —

Идешь, идешь — и не находишь;
 Кругомъ смущенный взоръ обводишь —
 Все мертво: рожицы молчащъ,
 Бесѣдки пущы; на спремнинахъ,
 Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
 Нигдѣ Людмилы слѣду нѣшь,
 И ухо ничего не внемлешь.
 Внезапный князя хладъ объемлешь,
 Въ очахъ его пемнѣлешь свѣшь,
 Въ умѣ возникли мрачны думы...
 «Бышь можешь, горесшь... плѣнь угрюмый...
 «Минуша... волны...» Въ сихъ мечпахъ
 Онъ погружень. Съ нѣмой поскою
 Поникнулъ випязь головою;
 Его помилъ невольный спрахъ;
 Недвижимъ онъ, какъ мерпвый камень;
 Мрачипся разумъ; дикій пламень
 И ядъ опчаянной любви
 Уже шекушь въ его крови.
 Казалось — пѣнь княжны прекрасной
 Коснулась шрепепнымъ устамъ...
 И вдругъ, неисповый, ужасной,

**

Спремился випязь но садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываешъ,
Съ холмовъ упесы опрываетъ,
Все рушишь, все крушишь мечемъ —
Бесѣдки, роци упадають,
Древа, моспы въ волнахъ ныряють,
Спелъ обнажается крутомъ!
Далеко гулы повпоряють
И ревъ, и прескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенишь и свищешъ,
Прелесный край опуспошёнъ —
Безумный випязь жершвы ищешъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаешъ...
И вдругъ — нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣняхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданномъ счастлиемъ упоенной,
Нанъ випязь падаетъ къ ногамъ

Подруги вѣрной, незабвенной,
 Цѣлуешь руки, съпи рвешь,
 Любви, воспора слезы льешь,
 Зовешь ее — но дѣва дремлетъ,
 Сомкнуны очи и уста,
 И сладоспраспная мечта
 Младую грудь ея подъемлетъ.
 Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
 Его шерзаептъ вновь кручина...
 Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
 Гласъ добродѣшельнаго Фивна:

« Мужайся, князь! Въ обратный путь
 Спупай со спящею Людмилой;
 Наполни сердце новой силой,
 Любви и чеспи вѣренъ будь.
 Небесный громъ на злобу грянешъ,
 И воцарится пишина —
 И въ свѣпломъ Кіевѣ княжна
 Передъ Владиміромъ возстанешъ
 Опъ очарованнаго сна. »

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
Берепъ въ объятія жену,
И пихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оспавляепъ вышину,
И сходитъ въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхаль онъ своимъ пупёмъ;
Въ его рукахъ лежишь Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лице спокойное склонила.
Власами, свипыми въ кольцо,
Пуспынный вѣперокъ играепъ;
Какъ часпо грудь ея вздыхаепъ!
Какъ часпо пихое лицо
Мгновенной розою пылаепъ!
Любовь и шайная мечпа
Руслановъ образъ ей приносяпъ,
И съ помнымъ шопопомъ усна
Супруга имя произносяпъ...
Въ забвеньи сладкомъ ловишь онъ

Ея волшебное дыханье,
 Улыбку, слезы, нежный спонь
 И сонных персей волнованье...

Меж стѣмъ, по доламъ, по горамъ,
 И въ бѣлый день, и по ночамъ,
 Нашъ випязь ѣдепъ непреспанно.
 Еще далекъ предѣлъ желанной,
 А дѣва спитъ. Но юный князь,
 Бесплоднымъ пламенемъ помясь,
 Уже ль, спрадалецъ поспоянной,
 Супругу шолько спорожилъ,
 И въ цѣломудренномъ мечпаньѣ,
 Смиривъ нескромное желанье,
 Свое блаженство находилъ?
 Монахъ, кошорый сохранилъ
 Попомспву вѣрное преданье
 О славномъ випязѣ моёмъ,
 Нась увѣряешъ смѣло въ шомъ:
 И вѣрю я! Безъ раздѣленья
 Унылы, грубы наслажденья:
 Мы прямо счастливы вдвоёмъ.

Пастушки, сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой помипельной весны,
На муравѣ, въ пѣни древесной.
Я помню маленькой лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню шемной вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый...
Ахъ, первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, поропливой
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремошы шерпѣливой...
Но полно, я болпаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея ушѣха и спраданье
Забышы мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекушъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними спелелся равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали

Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядишь — и догадался,
Что подъѣзжаетъ къ головѣ;
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядишь недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланипы жизни лишены;
Свинцовой блѣдностью покрыты,
Уста огромныя открыты,
Огромны зубы спѣснены...
Надъ полумертвой головою
Последній день ужъ пятопѣлъ.
Къ ней храбрый випязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: « здравствуй, голова!
« Я здѣсь! наказанъ пшвой измѣнникъ!
« Гляди: вопшь онъ, злодѣй нашъ плѣнникъ!»
И князя гордые слова
Ее внезапно оживили,

Намигъ въ ней чувствво разбудили,
 Очнулась будто опно сна,
 Взглянула, спрашно заснонала...
 Узнала випязя она,
 И брапа съ ужасомъ узнала.
 Надулись ноздри; на щекахъ
 Багровый огонь еще родился,
 И въ умирающихъ глазахъ
 Послѣдній гнѣвъ изобразился.
 Въ смяшеньи, въ бѣшенспивѣ нѣмомъ
 Она зубами скрежешала,
 И брапу хладнымъ языкомъ
 Укоръ невнятный лепешала...
 Уже ея въ шопъ самый часъ
 Кончалось долгое спраданье:
 Чела мгновенный пламень гасъ,
 Слабѣло шяжкое дыханье,
 Огромный закапился взоръ,
 И вскорѣ князь и Черноморъ
 Узрѣли смерпи содроганье...
 Она почила вѣчнымъ сномъ.
 Въ молчаньи випязь удалился;

Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышати, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Споила поникшей хапы кровь,
Густыми соснами вѣнчанной
Въ печени медленномъ рѣка
Вблизи плешень изъ проспника
Волною сонной омывала,
И вокругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣперка.
Долина въ сихъ мѣспахъ паилась,
Уединенна и темна;
И пашь, казалось, пишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ ошановилъ коня.
Все было тихо, безмяшежно;
Опъ разсвѣпающаго дня

Долина съ рощею прибрежной
Сквозь ушренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаешъ,
Садися близъ нея, вздыхаешъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видишь предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышишь пѣсню рыбака
Надъ шихоспруйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненной,
Плывешъ къ лѣсиспымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видишь добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываешъ;
Изъ шемной хапы выбѣгаешъ
Младая дѣва; спройный спанъ,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, шихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняешъ въ ней.
И вопъ они, обнявъ другъ друга,

Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью наспаёпть.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбака счастливомъ
Нашъ юный випязь узнаёпть?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Рапмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Рапмиръ, въ пуспынѣ безмяпежной
Людмилу, славу позабыль,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приближился, и вмигъ
Опшельникъ узнаепть Руслана,
Вспаепть, лепипть. Раздался крикъ...
И обнялъ князь младаго хана.
Чпо вижу я! спросиль герой,
Зачѣмъ пы здѣсь, зачѣмъ оспавиль
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, копорый пы прославиль?

« Мой другъ, опвѣспивоваль рыбакъ,
 Душѣ наскучиль бранной славы
 Пуспой и гибельный призракъ.
 Повѣрь: невинныя забавы,
 Любовь и мирныя дубравы
 Милѣ сердцу во спо крапъ —
 Теперь, упрापивъ жажду брани,
 Преспаль плашипъ безумспву дани,
 И, вѣрнымъ счаспіемъ богапъ,
 Я все забыль, поварищъ милый,
 Все, даже прелеспи Людмилы. »
 — Любезный ханъ, я очень радъ!
 Сказаль Русланъ: она со мною. —
 « Возможно ли, какой судьбою?
 Чшо слышу? Руская княжна...
 Она съ шобою, гдѣ жъ она?
 Позволь... но нѣпъ, боюсь измѣны;
 Моя подруга мнѣ мила;
 Моей счаспливой перемѣны
 Она виновницей была;
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
 Она мнѣ возвращила вновь

Мою упраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Успа волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оспавиль перемъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ и шлемъ птяжелый,
Забылъ и славу и враговъ.
Опшельникъ мирный и безвѣспный,
Оспался въ счастливой глуши,
Съ шобой, другъ милый, другъ прелеспный,
Съ шобою, свѣтъ моей души!»

Паспушка милая внимала
Друзей опкрыпый разговоръ,
И, успремивъ на хана взоръ,
И улыбалась и вздыхала.

Рыбакъ и випязь на брегахъ
До темной ночи просидѣли

Съ душей и сердцемъ на успахъ —
 Часы невидимо лепѣли.
 Чернѣеть лѣсъ, шемна гора;
 Вспаеетъ луна — все шихо спало;
 Герою въ пупь давно пора —
 Накинувъ шихо покрывало
 На дѣву спящую, Русланъ
 Идешъ и на коня садился;
 Задумчиво безмолвный ханъ
 Душей вослѣдъ ему спремился,
 Руслану счастья, побѣдъ
 И славы и любви желаешъ...
 И думы гордыхъ, юныхъ лѣпнъ
 Невольной грустью оживляешъ...

Зачѣмъ судьбой не суждено
 Моей непоспоянной лирѣ
 Геройство воспѣвать одно,
 И съ нимъ (незнаемья въ мѣрѣ)
 Любовь и дружбу спарыхъ лѣпнъ?
 Печальной испины поэтъ,
 Зачѣмъ я долженъ для попомства

Порокъ и злобу обнажать,
И пайны козни въроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искапель недоспойный,
Охоту къ славъ пошерявъ,
Никѣмъ незнаемый Фарлафъ
Въ пустынь дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталь.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: « знаешь ли меня?
« Спупай за мной; сѣдай коня! »
И вѣдьма кошкой обратилась;
Осѣланъ конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубравъ
За нею слѣдуешь Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣшная шуманъ,
Луна во мгль перебѣгала
Изъ шучи въ шучу, и курганъ

Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
 Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
 Сидѣлъ съ обычною поскою
 Предъ усыпленною княжною.
 Глубоку думу думалъ онъ,
 Мечпы лепѣли за мечпами,
 И непримѣнно вѣялъ сонъ
 Надъ нимъ холодными крылами.
 На дѣву смущеными очами
 Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
 И, упомянную главою
 Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снился вѣщій сонъ герою:
 Онъ видитъ, будто бы княжна
 Надъ спрашною бездною глубиною
 Споитъ недвижна и блѣдна...
 И вдругъ Людмила исчезаетъ,
 Споитъ одинъ надъ бездною онъ...
 Знакомый гласъ, призывный спонъ
 Изъ психой бездны вылетаетъ...
 Русланъ спремится за женой;

Спрямглавъ лепишь во шмѣ глубокой...

И видишь вдругъ передъ собой:

Владимиръ, въ грядницѣ высокой,

Въ кругу съдыхъ богатырей,

Между двѣнадцатью сынами,

Съ шолпою названныхъ госпей

Сидишь за браными сполами.

И также гнѣвень спарый князь,

Какъ въ день ужасный распаванья,

И всѣ сидишь не шевелясь,

Не смѣя перервать молчанья.

Упихъ веселый шумъ госпей,

Не ходишь чаша круговая...

И видишь онъ, среди госпей,

Въ бою сраженного Рогдая:

Убитый, какъ живой, сидишь;

Изъ опѣненного спакана

Онъ, весель, пьешь и не глядишь

На изумленного Руслана.

Князь видишь и младаго хана,

Друзей и недруговъ... и вдругъ

Раздался гуслей бѣглый звукъ

И голосъ вѣщаго Баяна,
 Пѣвца героевъ и забавъ.
 Вспунаешъ въ гридницу Фарлафъ,
 Ведешъ онъ за руку Людмилу;
 Но спарецъ, съ мѣсна не привспавъ,
 Молчипъ, склонивъ главу унылу,
 Князья, бояре — всѣ молчашъ,
 Душевные движенья кроя.
 И все исчезло — смершннй хладъ
 Объемлетъ спящаго героя.
 Въ дремошу пшажко погружёнъ,
 Онъ льепъ мучипельныя слезы,
 Въ волненьи мыслипъ: это сонъ!
 Томипся, но зловѣщей грезы,
 Увы, прервашъ не въ силахъ онъ.

Луна чупъ свѣшипъ надъ горою;
 Обьяпы роци шемнопою,
 Долина въ мершвой пишинѣ...
 Измѣнникъ ѣдепъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
 Онъ видипъ сумрачный курганъ;

У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ,
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ,
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Гоповаясь выпязя безъ боя
Съ размаха надвое разсѣчь...
Къ нему подѣхаль. Конь героя,
Врага почуя, закипѣль,
Заржалъ и попнуль. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ; сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ опягопѣль!...
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ прижды хладну спаль...
И мчишься боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.

Часы лепѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поупру, взоръ открывъ шуманной,
Пуская псяжій, слабый спонъ,
Съ усиьемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханной.